

CONCOURS GENERAL RUSSE SESSION DE 1996

COMPOSITION EN LANGUE RUSSE

Classes terminales ES, L et S durée : 5 heures

L'usage de tout dictionnaire est interdit

ЭМИГРИРОВАТЬ

Я России не помнила, он — помнил, увезли одиннадцатилетним. Оба мы родились в том городе, о котором Ахматовой сказано: " А я один на свете город знаю и ощупью его во сне найду ". Мы много говорили о нем, о блокаде, всего ужаса ее вообразить не могли, да и кто, этого не переживший, мог? Россия и война были нашей главной темой. Ну, и о себе мы говорили. О том, как мы оба, отринув все, в чем росли, в чем воспитывались, дошли своим умом до понимания правильности всего того, что делается в СССР.

И было много сходного в наших судьбах, судьбах эмигрантов второго поколения, сходных, несмотря на разницу лет, на то, что он рос, учился, жил во Франции, я—в Китае.

По-французски он говорил свободно, но с акцентом, по первым словам было ясно — иностранец. Учился он блестяще, и были способности к профессии, еще с детства им выбранной, и все же стоило что-то не так сказать, позволить себе чем-то возмутиться, как в ответ немедленно:

“Если вам у нас не нравится, почему вы не едете к себе?” Это произносилось ехидно-торжествующе — знали ведь, что ему оставалось только промолчать.

Мне слышать слов " если вам у нас не нравится " — не приходилось, их могли сказать только китайцы, но не в их школах я училась и работала не у них. Однако ощущение неполноценности, неравенства с другими, живущими в Китае, иностранцами присутствовало всегда. А от них приходилось слышать иные слова: " белые второго сорта...", " люди без национальности!"

— Да, да, апатриды! — подхватывал мой картавящий собеседник. О, как хорошо из-за сходимости наших судеб мы тогда понимали друг друга!

И были минуты, когда нам казалось, что мы готовы ринуться в Россию немедленно, выехать завтра, лишь бы туда пустили! Там трудно, но ничто не страшно, когда ты у себя, среди своих, делишь их судьбу, и никто не бросит тебе в лицо: " саль этранже!"

Осуждали родителей: зачем уехали, зачем нас увезли? Он родителей своих глубоко почитал, нежно любил и говорил с ему часто свойственной извинительной интонацией: "В то время они просто не понимали..."

И до чего мы с ним были уверены, что сами все хорошо поняли и продолжаем понимать!

Расстались мы в первых числах октября: командировка кончилась, он вернулся в Индокитай. А вновь встретились спустя два десятилетия и тоже в октябре: Париж. Год 1965.

Уже тогда, во время нашей первой встречи в Париже, я видела, что моему старому другу удалось пронести сквозь годы нетронутым восторженное отношение к Советскому Союзу, ничем не поколебленную уверенность: все, что делалось, все, что делается, — все правильно, все на благо! Ведь какой рывок сделала страна! Из отсталой, аграрной — мощная индустриальная держава. Очень гордился. Своей принадлежностью к русской нации гордился.

Нет, он хвалил не все подряд. Он замечал у нас кое-какие недостатки и очень хорошо знал, что надо делать для их устранения. Настолько все прекрасно понимал, что вот даже и советовал ("у вас...", "стоит вам..."); и уж кому-кому, а не мне на это раздражаться, разве я сама не была такой же? Едва успев сюда приехать, ничего толком не поняв, бралась судить, бралась учить. И все же раздражалась.

Он ухитрился законсервировать, пронести нетронутым сквозь десятилетия и свое восхищение Сталиным. Нет, нет, он не закрывал глаза на его отдельные ошибки, на то, что во времена его правления были нарушения законности и безвинно страдали люди, — но ведь это Россия! Благодаря мягкости, доброте, великодушию русского характера люди ухитрялись и в лагерях как-то существовать и — выживать, ну, одним словом... Тут мой друг, примирительно мне улыбаясь, ищет подходящее русское выражение, не находит и произносит: "он с'арранж!" [...].

Как он старался, этот человек, расцветить, украсить каждое мое пребывание за границей! Меня возили в замки Луары, катали по Нормандии и Бретани, водили в лучшие рестораны Парижа, развлекали, не жалея ни времени, ни денег, и это стремление всячески меня порадовать я объясняла не только тем, нас связавшим, воспоминанием о шанхайских днях, но и тем, что я — отсюда. Из страны, куда и он хотел вернуться, но не смог, а я вернулась и прижилась.

По Наталии ИЛЬИНОЙ, Дороги и судьбы, Автобиографическая проза, Москва, 1985.

I. VERSION

Traduire de : “По-французски он говорил свободно,...” jusqu'à: “...”люди без национальности!””

II. QUESTIONS

1. Уточните причины отъезда этих людей из России и, ссылаясь на текст, расскажите о судьбе каждого из них до их последней встречи.
2. Что можно сказать о личном отношении героя к Советскому Союзу? Чем оно, по-вашему, объясняется ?
3. В чем причины негативного отношения коренного населения к эмигрантам и допустимо ли такое отношение с точки зрения морали ?
4. Существует ли понятие " Родина " и как вы к нему относитесь ?